

На правах рукописи

Чжао Сяоцзе

**МЕТАФИЗИКА ИЗГНАНИЯ: ХУДОЖЕСТВЕННО-КРИТИЧЕСКАЯ
РЕЦЕПЦИЯ САМОСОЗНАНИЯ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ 1920 – 1970-Х ГГ.
В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭМИГРАНТОЛОГИИ**

5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2026

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы,
теории литературы и критики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Рягузова Людмила Николаевна,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Млечко Александр Владимирович,**
доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры русской филологии и журналистики
Института филологии и межкультурной
коммуникации ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»;

Стрельникова Лариса Юрьевна,
доктор филологических наук, доцент, доцент
кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный педагогический
университет»;

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого», город
Великий Новгород

Защита состоится 18 декабря 2026 года в 10.00 на заседании диссертационного совета 24.2.267.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, на соискание ученой степени доктора филологических наук в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, с диссертацией и авторефератом – на официальном сайте университета: <http://www.adygnet.ru> и на сайте ВАК: <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «_____» _____ 2026 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Г. В. Соколова

Общая характеристика работы

Столетний рубеж начала русской эмиграции XX века подводит итог формированию эмигрантологии – области гуманитарного знания, в рамках которой литература русского зарубежья осмысливается как целостный феномен с собственной эмблематикой, мифологией и системой кодов. В современной науке эмиграция изучается не только как историко-литературный факт, но и как литературный приём (З. Зиник), стратегия публичного поведения (Л. Лосев, Л. Сараскина, Б. Парамонов, И. Толстой), как миф (О. Демидова).

Миф есть квазиреальность, которая формируется и функционирует на границе реального и воображаемого. Как форма существования эмигрантов, пребывающих вне пространства и времени, миф стал ключевым феноменом самосознания русской эмиграции. Реальное бытие («литературный быт») согласуется с реальностью литературного существования – «реальностью фикции», или «фиктивной реальностью» (В. Набоков). Это неразличение реальностей, обнаруженное А. Бёмом у Достоевского, стало метатемой творчества Г. Газданова, В. Набокова, а также предметом теоретической рефлексии В. Вейдле, В. Ходасевича, А. Бёма. Именно в трудах критиков-эмигрантов формулируются представления об «эстетической реальности» (А. Бём) и теоретизируются понятия «художественная реальность» и «поэтический мир».

Русская эмиграция стала феноменом преобразования жизни в объект искусства, жизненным источником литературных мотивов и образов. История таллинских международных семинаров (2002–2016) отражает тенденцию семиозиса эмигрантского пространства и процесс концептуализации понятия «эмиграция»: от «внешней и внутренней эмиграции» до «знаков и символов русской эмиграции»¹.

Мифология эмиграции связала воедино геополитику и поэтику. Понятия «гнезда рассеяния», «волны эмиграции» утратили метафоричность, став терминологическими обозначениями культурных центров. Первая волна эмиграции воспринималась не как «исход» русских, а как эмиграция России. Таким образом, метафизика изгнания становится не только темой, но и способом мышления, а эмиграция – универсальной моделью взаимодействия культуры и личности в пограничной ситуации.

Актуальность темы диссертации определяется её недостаточной разработанностью, дискуссионностью, значимостью для понимания ситуации творческого изгнания. На конкретном примере текстов В. Набокова и В. Перелешина

¹ Таллинские международные семинары: «Эмиграция внешняя и внутренняя» (2002 г., Таллин), «Эмиграция и мемуары» (2006 г. Таллин), «Эмиграция и мифы» (2008 г. Таллин), «Советский текст в культуре русского зарубежья. Эмигрантский текст в советской культуре» (2010 г. Таллин), «Культурные центры и “гнезда” эмиграции XX века» (2012 г. Таллин), «Культура русской диаспоры: Знаки и символы русской эмиграции» (2014 г. Таллин), «Культура русской диаспоры: судьбы и тексты эмиграции» (2016 г. Таллин).

рассмотрены принципиально важные не только для русской, но и для мировой литературы мотивы изгнания с точки зрения их функционирования и семантических коннотаций. Комплексный анализ мотивов изгнания с учётом идейно-тематических особенностей творчества В. Набокова и В. Перелешина требуется как для изучения их художественного вклада, так и для выяснения специфики литературного процесса в условиях эмиграции. В последнее время эмиграция рассматривается как миф и феномен (само)сознания русской диаспоры, как метафизика «изгнания».

Актуальность исследования опирается на научную традицию изучения феномена русского зарубежья: мотив изгнания выявляется и синтезируется в бытовом, метафизическом, творческом, лингвистическом и культурологическом аспектах.

Степень изученности темы. Феномен русской эмиграции изучен достаточно подробно, описан в справочной, научной, учебной литературе и энциклопедиях. Набоковедение представлено работами Б. Аверина (1998, 1999, 2003), А. Долинина (1994, 2019), Ю. Левина (1981, 1998), А. Злочевской (2002, 2003), Б. Бойда (2017), Л. Рягузовой (2016, 2017, 2018, 2019, 2020) и др., в которых анализируются поэтика, метафизика, интертекстуальность, автобиографизм, метаязык и культурно-философские аспекты творчества писателя. Проанализировано основательное критическое наследие первой эмиграции (Г. Адамович, В. Ходасевич, Г. Струве и др.). Творчество В. Перелешина активно изучается: в России (О. Бузуев (2001, 2003, 2013, 2017), М. Мосейкина (2015), Ю. Чжан (2023) и др.); в Европе (Ян Пол Хинрихс (1987), О. Бакич (2001, 2015) и др.); в Китае (Ли Яньлин (2014), Ван Яминь (2005, 2015), Лу Цуй (2018, 2019) и др.). В этих трудах анализируются поэтика, религиозно-философские аспекты, «восточный» контекст, творчества харбинского поэта, а также феномен культурного пограничья и синтез традиций.

Однако, несмотря на обширную литературу по каждому из авторов, сравнительный анализ творчества В. Набокова и В. Перелешина остаётся практически неразработанным. Между тем их биографии и художественные стратегии творческого поведения репрезентируют две типологически различные ветви первой волны эмиграции (западную и дальневосточную), что позволяет выявить сходство и различия в осмыслении метафизики изгнания, взаимодействия с иноязычной культурой и конструирование национальной идентичности.

Научная новизна диссертации заключается в том, что **впервые** проведен сопоставительный анализ мотивов изгнания на материале представителей первой волны западной (В. Набоков) и дальневосточной (В. Перелешин) эмиграции.

А также **впервые** предложена интерпретация эмиграции не только как трагического исхода, но и как творческого состояния, способствующего формированию интериоризации «внутреннего дома» и экстериоризации «вневременной лиры» поэтов в «диагонали Леты».

Метафизическая «бездомность» оборачивается для обоих поэтов поиском «дома в себе» в данной ситуации.

Объектом исследования является метафизика и мифология «изгнания» в контексте литературы русского зарубежья, воплощённая в художественных и публицистических текстах В. Набокова, лирике В. Перелешина, а также её научная рефлексия и терминологическая самоидентификация.

Предметом исследования являются проблемы литературной личности, стратегии её публичного поведения в иноязычной среде в контексте взаимодействия и диалога культур, трансформации языка, би- и транскультурной поэтики.

Цель диссертации заключается в концептуализации художественно-критически осмысленной ситуации изгнания как «культурного синтеза» эмиграции, семиотической модели творческого поведения и индивидуально-авторской самоидентификации в современной эмигрантологии.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

- выявить специфику феномена изгнания и его воздействие на сферу творческого поведения личности в критической рефлексии современной эмигрантологии;
- охарактеризовать средства выражения и динамику трансформации мотива «изгнания» в творческом сознании В. Набокова и В. Перелешина, определив его роль в выражении авторской модальности;
- определить влияние «дискурса перехода» на индивидуально-авторское стилевое воплощение мотивов изгнания у В. Набокова и В. Перелешина в контексте эмигрантского литературного процесса;
- проанализировать игровые стратегии В. Набокова и В. Перелешина в контексте литературного быта русского зарубежья;
- рассмотреть семиотические формы, в которые облекается рождающийся миф о самом себе-изгнаннике, как складывается эмигрантская модель творческого поведения, семиотизация *своего* / *чужого* в пространстве литературной реальности;
- обозначить роль исследуемых текстов В. Набокова и В. Перелешина в процессе эволюции национальной художественной традиции и определить перспективы дальнейших исследований по заявленной проблематике.

Гипотеза заключается в том, что история диаспоры рассматривается как модель, направленная вовнутрь и вовне: семиотический анализ понятия «литературный быт» позволяет выявить типологию авторских стратегий конструирования автообраза и описать парадигму «реальность – автор – текст – читатель» в аспекте игровой поэтики. Автообраз раскрывается через литературные параллели судеб В. Набокова (в сопоставлении с

И. Бродским и А. Солженицыным) и В. Перелешина как варианты преодоления ностальгии и вхождения в мировую литературу. «Миф русской эмиграции» (О.Р. Демидова, 2003) – это миф о долге писателя, служении русской литературе и поиске смысла в изгнании, влияющий на эстетические формы выражения обоих авторов. Литературный быт (кружки, салоны, чтения и др.) служит пространством конструирования темы эмиграции и культурной идентичности. Культурный парадокс эмиграции выступает ключевым фактором стилистических различий в раскрытии темы изгнания у обоих авторов, феномен культуры русского зарубежья приобретает новый бытийственный модус – «чарующую повседневность» (В. Набоков), «вседневность» (В. Перелешин).

Методология исследования основана на сочетании структурно-семиотического, историко-литературного, культурологического, интертекстуального, концептуального, семантического, лингвопоэтического методов анализа. **Теоретико-методологическую базу** исследования составляют труды по истории и теории литературы русского зарубежья (О.Р. Демидова (2003, 2008, 2012), З. Зиник (2011), Л. Бугаева (2010), Р. Тищенко (2016), З. Шаховская (1991), А. Зверев (1993), А. Млечко (2008), сборники Таллиннского университета под ред. А. Данилевского и С. Доценко (2012, 2015) и др., а также энциклопедические издания (1997–2006) и учебные пособия. Методологически значимы семиотические и культурологические работы Ю.М. Лотмана (2002, 2004), В.Н. Топорова (2006), Е. Мелетинского (1976). Исследование опирается также на труды по набоковедению (Б. Бойд, А. Долинин, Ю. Левин и др.) и перелешиноведению (О. Бузуев, М. Мосейкина, Ян Пол Хинрикс, О. Бакич, Ли Янлин, Гу Юй, Ли Мэн и др.).

Основные положения, выносимые на защиту

1. Изгнаннические мотивы в литературе зарубежья выполняют функции расширения темы, характерологического средства, сюжетостроения, выражения авторской модальности и усиления эмоционального фона. Концептуализация изгнания облекается в семиотические формы: псевдонимика, мифологизация пространства, языковая игра. Игра как литературный прием становится способом существования быта эмиграции (псевдонимика, суды над героями, критическая полемика, автомоделирование личности), средством самоидентификации в инокультурной среде.

2. Понятие «эмиграция» у В. Набокова и В. Перелешина приобретает метафизический статус, связанный с потерей культурного мира и формированием транскультурной поэтики. Мотив изгнания осмысливается как творческое состояние, обращающееся обретениями (усовершенствование языка, расширение творческих потенций); изгнанническое переживание смещает акцент с логического на эмоциональное, внося гармонию: «вневременная лира» поэтов звучит в «диагонали Леты».

3. Изгнаннические мотивы различаются идиостилевыми особенностями авторов, обусловленными социокультурным контекстом, но обнаруживают общие черты (авторефлексивность, метаописание, интертекстуальность, культурные коды, мифосемантические и танатологические мотивы).

4. Эмиграция как феномен социокультурный, геополитический трактуется как би- и транскультурное явление, включающее в себя «дискурс перехода» (*rite de passage*) (Л. Бугаева), трансфер, трансляцию и трансформацию в широком смысле, формирующую стратегию публичного поведения, творческую самоидентификацию авторов и универсальную модель взаимодействия культуры и личности в пограничной ситуации.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке модели анализа мотивов изгнанничества в литературе русского зарубежья на материале творчества В. Набокова и В. Перелешина, включающей три уровня анализа – мифопоэтический, семиотику культуры и транскультурную поэтику. Уточнено понятие «метафизика изгнания»: оно трактуется как экзистенциальное состояние и как творческий принцип организации художественной реальности. Введены и операционализированы понятия «игровая стратегия» писателя-эмигранта, «эмигрантский антимиф», «литературные параллели». Предложена типология приёмов репрезентации изгнания (авторефлексивность, метаописание, интертекстуальность, мифосемантика, танатологические мотивы, игра с культурными кодами). Разработана методологическая схема сопоставительного анализа западной и дальневосточной ветвей эмиграции на основе категорий «дискурс перехода» (*rite de passage*), культурного трансфера и гибридизации идентичности, что в совокупности расширяет понятийный аппарат эмигрантологии и уточняет механизмы культурного трансфера в поликультурной среде.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью использования сделанных выводов в лекциях по курсу «Литература русского зарубежья», в спецкурсах и спецсеминарах для студентов-филологов, а также для дальнейшего изучения творчества В. Набокова и В. Перелешина.

Ключевые понятия работы.

Миф – квазиреальность на границе реального и воображаемого, форма существования эмиграции.

Эмиграция – не только пространственное перемещение, но и метафизическое состояние «вне» и «между» границами миров.

Литературные параллели – метод сравнительного анализа судеб и поэтик писателей-эмигрантов.

Литературная личность – образ автора, формируемый через тексты, публичное поведение, игровые стратегии.

Семиотика культуры – подход к эмигрантскому тексту как знаковой системе.

Проблема культурной ассимиляции – взаимодействие с иноязычной средой, ведущее к синтезу культур.

Метафизика изгнания – понятие, фиксирующее онтологический статус эмиграции как пограничной ситуации, в которой физическое перемещение оборачивается духовным преображением. В творчестве В. Набокова и В. Перелешина метафизика изгнания выражается в трансформации ностальгии в художественный метод, а эмиграции – в способ мышления и форму существования.

Достоверность научных положений и выводов обеспечивается обоснованной постановкой проблемы, адекватным выбором методов исследования, чёткой теоретико-методологической базой и систематическим обобщением результатов анализа художественных текстов.

Апробация результатов исследования. Исследовательская концепция, основные положения и текст диссертации были представлены и прошли обсуждение на кафедре истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, а также на конференциях различного уровня: международные конференции «Актуальные вопросы гуманитарных исследований» (2026), «Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития» (2017, 2018, 2020, 2026), «Актуальные вопросы филологических исследований» (2019, 2020), «Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории» (2017, 2018), «Литература и революция» (к 100-летию Октябрьской революции) (2017), «Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории» (2017). По материалам диссертации опубликовано 15 статей, 5 – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Соответствие паспорту специальности. Диссертация соответствует паспорту специальности 5.9.1 «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» по следующим пунктам: 7. История литературы русского зарубежья; 11. Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве; 14. Взаимодействие творческих индивидуальностей, деятельность литературных объединений, кружков, салонов и т. п.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и новизна темы исследования, характеризуются предмет и объект диссертационного анализа, определяется степень изученности темы, формулируются цели и основные задачи диссертации, описываются её методологическая база, теоретическая и практическая значимость исследования; содержится информация об апробации результатов.

В **первой главе «Проблемы современной эмигрантологии и аспекты изучения литературы русского зарубежья»** исследуются проблемы изучения литературы русского зарубежья в различных аспектах современной эмигрантологии: культурологическом, историко-литературном, структурно-семиотическом.

В современной эмигрантологии наметилась тенденция целостного восприятия русского зарубежья, в частности, с точки зрения онтологического подхода к ситуации изгнания (топографического, лингвистического, духовного). В работе концептуализируется метафизический элемент в критической рефлексии феномена русской эмиграции. Ключевым для главы является понятие «культурный синтез», введённое П.М. Бицилли.

«География» русского зарубежья и «гнезда рассеяния» (Париж, Берлин, София, Прага, Белград, Харбин) менялись в зависимости от политической ситуации. Для большинства беженцев первой волны родина была понятием не географическим, а духовным, экстерриториальным. В. Перелешин воспевал «вневременной» экстерриториальный быт эмиграции. Как писал В. Ходасевич, «национальная преемственность зарыта не в черноземе, а живет в душе»². «Россия во мне» – характерная позиция писателя-эмигранта. Зарубежная Россия как самостоятельное образование, сохранившее культурные и религиозные традиции, просуществовала практически 20 лет (1920–1940).

В п. 1.1. «Эмиграция как миф: семиотическая проблема» представлен анализ эмиграции как семиотической проблемы. Культура русской диаспоры стала мифологизированной, поскольку она сама порождала мифы о русском мире, от которого была оторвана, и при этом воспринималась на исторической родине как миф.

«Миф» понимается в традиции Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Е.М. Мелетинского как культурный миф нового времени, восполняющий семиотическую пустоту в ситуации эмиграции. Бытие русской эмиграции было квазибытием (вне/между границ): территориально и административно она существовала вне родины, вне мира русской

² Ходасевич В. Литература в изгнании // Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 256-267.

культуры, между чужими народами. Л. Бугаева назвала этот феномен «переходом» (*rite de passage*)³. «Фактор квази» удваивается, что ведёт к повышенной мифологизации.

В исследованиях О.Р. Демидовой миф понимается как эстетическая реальность, формирующаяся на трёх уровнях (сообщество, группа, индивид) и выполняющая аксиологическую, телеологическую и объединительно-разграничительную функции⁴. Многообразие мифов сводится к двум инвариантам: миф-идеализация и миф-развенчание. В периоды кризисов наступает «бум развенчаний». Конкретными механизмами построения этих мифов для русских изгнанников служили бинарные оппозиции: «мы – они», «свои – чужие», «белые – красные», «здесь – там».

Феномен эмиграции – крушение, утрата почвы, катастрофический «отрыв». Самосознание эмиграции выразилось в ключевых понятиях: «миссия» (И. Бунин), «изгнание» (В. Ходасевич), «послание» (З. Гиппиус), «экспатриация» (В. Набоков). Россия стала культом, изгнание породило мифологию отечества как гармонического бытия. Это не историческая реальность, а мифологическая конструкция.

Эмиграция осмысливается как путь через зону смерти, переход, подобный обряду инициации: выжившие получают новое имя, поэтому эмиграция породила свою псевдонимию – своего рода мистификацию⁵, и смена имени становится знаком онтологического перерождения⁶.

В современной эмигрантологии эмиграция подвергается «фазовой категориализации»: прелиминарная (обряд отделения), лиминарная (промежуточная), постлиминарная (обряд включения)⁷. С фазой отделения связана поэтика замкнутого пространства, острова, который символизирует покинутую родину или новое место. У В. Набокова и В. Перелешина это, например, Зоорландия и Советлэнд, Амероссия, Розилия-Брассия – страны-гибриды, связанные с семантикой «возможных миров». Наряду с этим в современной эмигрантологии ведётся терминологическая работа по различению ключевых понятий. Эмиграция терминологически противопоставляется «диаспоре»: первая связана с модернизмом и локализованным домом, вторая – с постмодернизмом, гибридностью, преодолением национальных рамок. Выделяются четыре формы отчуждения: эмигрант (вынужденно покинувший дом), экспатриант (добровольно), номад (свободный от национальности), турист (искатель впечатлений). Но только эмигрант и экспатриант

3 Бугаева Л. Литература и *rite de passage*. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. 408 с.

4 Демидова О.Р. Миф как феномен (само)сознания русской эмиграции // культура русской диаспоры: эмиграция и мифы. Сб. ст. Таллинн: Изд-во Таллинского ун-та, 2012. С. 13-26.

5 Тименчек Р. Об эмигрантских ложноименах // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования. М.: НЛЮ, 2016, С. 14.

6 Шруба. М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917-1945). М.: НЛЮ, 2018. 1059 с.

7 Бугаева Л. Литература и *rite de passage*. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. С. 152.

переживают утрату и могут рассматриваться «в терминах перехода, как *rite de passage* – умирание в прежнем качестве и воскресение в новом»⁸. Экспатриант – особая творческая позиция, последовательный отход от национальных традиций, иногда отказ от родного языка. Эмиграция ориентирована на возрождение традиции, экспатрианство – на её трансформацию.

Итак, в данном параграфе показано, что эмиграция является мифологизированным квазибытием, описываемым через *rite de passage*, бинарные оппозиции, фазовые переходы, семантику «возможных миров» и псевдонимию. Таким образом, нас интересуют автомоделирование личности (В. Набоков, В. Перелешин) и формирование автомифа писателей в контексте описанных мифологических механизмов.

В п. 1.2. «Эмиграция как “не встреча” в медийном пространстве и “ролевая” стратегия публичного поведения авторов» анализируются стратегии публичного поведения В. Набокова, А. Солженицына и И. Бродского, их возможные жизненные «встречи» и литературные параллели в критической рефлексии современной эмигрантологии.

В современном литературоведении эмиграция изучается как литературный прием, как стратегия публичного поведения авторов⁹. Экспатрианство трактуется не только как геополитический или биографический факт, но и как особая творческая позиция, которая не обязательно соотносится с биографическими фактами и понятием «эмиграция»¹⁰. В широком смысле это литературный феномен «всемирной отзывчивости», характерный для писателей, добровольно или вынужденно оказавшихся вне национальных традиций.

З. Шаховская охарактеризовала литературно-общественные связи русских эмигрантов трёх поколений как «невстречу». В эмиграции, несмотря на отсутствие мировоззренческого, политического и эстетического единства среди писателей первой волны эмиграции, возникают неожиданные литературные параллели (В. Набоков, А. Солженицын и И. Бродский и др.): темы потерянного и обретённого рая, осмысление изгнания как пространства культурной креативности, творческое развитие классической литературы (неотрадиционализм). В современном литературоведении проводятся «нестранные сближения» А. Солженицына с В. Набоковым и И. Бродским (Л. Сараскина, Л. Лосев, Б. Парамонов, И. Толстой). Несмотря на общие черты: всемирная известность, интерес к языковой стихии, любовь к России, эмиграция, внутренняя свобода, высокая

8 Бугаева Л. Литература и *rite de passage*. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. С. 100-191.

9 Зиник З. Эмиграция как литературный прием. М.: НЛО, 2011. 264 с.

10 Зверев А.М. Экспатриант как литературный феномен // Диапазон. Вестник Иностранной литературы. 1993. № 1. С. 29-33.

степень саморефлексии, интертекстуальность, автобиографизм, склонность к языковой игре, их отличают разные стратегии публичного поведения и творческие позиции.

В. Набоков воплощает образ писателя-мистификатора, мастера игры, ускользающего от прямых нравственных суждений. Для него принцип «правдоподобия» ценится ниже «художественной лжи»: «Мысль, направляя свой луч на историю жизни человека, её неизбежно искажает. Это будет лишь правдоподобие, а не правда»¹¹ Набоков являет собой пример аристократического, космополитического эмигранта, открытого миру. Для Набокова Россия прошлого сакральна, его позиция выражается в парадоксальной формуле: «Россия во мне». Он писал: «Я чувствую себя чужеземцем повсюду и всегда, это моё состояние, моё амплуа, моя жизнь. ...Я дома лишь в воспоминаниях»¹². Набоков стал писателем мира.

А. Солженицын утверждает правду как нравственную позицию. Документальность и дидактизм составляют основу его творчества. Его публицистика относится к «поведенческой»: идеал автора и его личность не расходятся («жить не по лжи»). А. Солженицын сам создал свой миф. В отличие от В. Набокова, он только на время отстранился от России, как будто не покидал её, а творчески пребывал в ней. О нём невозможно говорить только как о писателе: он – «русский духовный тип, интеграл русской духовности, тип глубоко традиционный, но выступивший в эпоху слома русской жизни»¹³. В эмиграции ушёл сюжет А. Солженицына, эпос героической личности, и по возвращении в Россию этот жанр возродить не удалось.

И. Бродский представляет собой элитарно мыслящего поэта, буквально – «от станка». Он представлял себе читателя как alter ego. По наблюдению Л. Лосева, А. Солженицын и И. Бродский – «две контрастные личности»¹⁴: А. Солженицын мыслит категориями народной судьбы, И. Бродский – элитарно. Затворник А. Солженицын живет в гордыне одиночества, И. Бродский – общительный, открытый. У православного А. Солженицына религиозная тема в творчестве почти отсутствует, для И. Бродского («христианина-заочника») вера («свет ниоткуда») – постоянный лирический мотив.

«Интригующей точкой пересечения» стало присуждение А. Солженицыну Нобелевской премии (1970) и его письмо в комитет с просьбой рассмотреть кандидатуру В. Набокова как «писателя ослепительного литературного дарования». Ещё одна параллель – «невстреча»: прожив пятнадцать лет в соседстве (Швейцария, США), Бродский и

11 Набоков В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996. С. 415.

12 Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая газета, 2002. С. 399.

13 Парамонов Б., Толстой И. Бедлам как Вифлеем. Беседы любителей русского слова. М.: Изд. Дом «ДЕЛО» РАНХ и ГС., 2017. С. 485.

14 Лосев Л.В. Солженицын и Бродский как соседи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. С. 375.

Солженицын ни разу не встретились. Солженицын, дописав февраль, март, апрель 1917, уехал в Россию, а И. Бродский – в ту далекую страну, где нет ни январей, ни февралей¹⁵. А. Петцер в книге «Тайная история Владимира Набокова» описывает ожидание свидания Набокова с Солженицыным в Монтре, которое так и не состоялось¹⁶. Каждый продолжил свой путь отдельно. Это та самая «не встреча», о которой писала З. Шаховская.

Таким образом, три знаменитых русских эмигранта XX века – В. Набоков, А. Солженицын, И. Бродский – принадлежат к «аристократии пишущих талантов» (А. Солженицын о А. Пушкине). Они поражают чертами сходства, несмотря на реальные «невстречи» в жизни. А. Пушкин и русская классика выступают консолидирующей силой эмиграции. Для нашего исследования важно, что на этом фоне В. Набоков и В. Перелешин представляют две различные типологические ветви первой волны эмиграции (западную и дальневосточную), а их стратегии публичного поведения и моделирования личности требуют отдельного сопоставительного анализа.

Во второй главе «**Метафизика изгнания в художественной и критической рефлексии В. Набокова**» рассматривается феномен «двойного» изгнания В. Набокова и его амбивалентное выражение. Амбивалентный характер чувства изгнания рассмотрен через атрибуты «своего» и «чужого» мира, через структурно-семиотические характеристики времени и пространства. Традиционный для эмиграции мотив обретает новые коннотации: ассимиляция, принятие состояния изгнания как новой формы жизни и ее правил. Пафос утверждения своей личности и творческой свободы воспринимается как преодоление прежних привязанностей и иллюзий.

В п. 2.1. «**Мотив изгнания в лирике В. Набокова: родина как “реальность фикции” или фиктивная реальность**» рассматривается ситуация изгнания в художественной и критической рецепции В. Набокова. В его поэзии одним из основных является мотив изгнания, который опирается на память о далёкой Родине и ощущение одиночества в чужой стране. Этот мотив воплощается в таких близких поэту с детских и юношеских лет образах, как лес, берёза, Нева, северный снег, Воронцовский парк, поезд, корабль и др. Очевидно, что темы России, родины и изгнания были центральными в творчестве большинства русских поэтов-эмигрантов, которые продолжали на чужбине споры о русской национальной идее. В их числе был и В. Набоков, о котором М.Э. Маликова пишет: «...исходное несчастья – изгнанничество, одиночество на чужбине

15 Лосев Л.В. Солженицын и Бродский как соседи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 608 с.

16 Петцер А. Тайная история Владимира Набокова. М.: Симбад, 2016. 528 с.

– переоцениваются как состояние, вообще характерное для художника, как условие творчества»¹⁷.

«Выход на чужбину» В. Набоков называет великим, ценит, как *дар божественный, окидывая веселым взглядом мир, отчизной ставший для него*. Он просит дать ему *побольше странствий, встреч опасных, / в лесах подольше заплутать*, чтобы найти *то сочетание листвы, тропики и корней, / что носит для души название / России, родины моей* («Путь», 1925). Родина навсегда занимает важное место в сердце поэта: *Бессмертное счастье наше / Россией зовется в веках. / Мы края не видели краше, / А были во многих краях*. И хотя его дом находится на *чужбине случайной, где мирен изгнанника сон*, он не перестал любить Россию. Куда бы *стеся ни бежала* – во Францию ли, в Германию, Россия, как верный друг, всегда была рядом, она была везде: *...как ветром, как морем, как тайной, / Россией всегда окружен* («Родина», 1927).

Мотивы родины и одиночества неразделимы (*я давно одинок*), но не безысходны. А дорога домой – это только сон и непреходящая мечта. Для поэзии Набокова характерны темы изгнания, пути, возвращения на родину после скитаний, выход за установленные пространственно-временные пределы. Образ России навсегда надежно сохранен в памяти. И эти «снимки» не обветшали, не потускнели, они питают, дают творческую энергию и жизненные силы. Россия во вне и внутри неразделима. Сравнивая свою жизнь с географической картой Родины, поэт пишет: *...как на покатой школьной парте / совьёшься ты, подобно карте, / Лишь только отпущу края, / и ляжешь там, где лягу я.*» («К России», 1928).

Таким образом, в лирике В. Набокова мотив изгнания эволюционирует от противопоставления двух миров к многомерной модели, где реальность и иллюзия, родина и чужбина, память и настоящее взаимопроницаемы. Россия становится не фиктивной реальностью и не реальной фикцией, а внутренним духовным символом: дом не теряется, он обнаруживается внутри. Его Россия исчезнет только вместе с ним, считал В. Набоков. Но он ошибся, его поэтическая Россия стала бессмертной, как и его творчество.

В п. 2.2. «Метафизика отчуждения в романах “русского” периода творчества» рассматриваются мотивы изгнания, одиночества и ностальгии в романе «Машенька» (ассоциативно-семантический аспект), а также героический пафос в образной системе романа «Подвиг» (концептуальный и мифопоэтический анализ).

Концепция изгнанничества В. Набокова сложилась в его художественном и критическом дискурсах. Он сохранил образ родины в памяти и воплотил его во множестве

17 Маликова М.Э. Забытый поэт // Набоков В.В. Стихотворения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. С. 5-52.

произведений. Россия для него навсегда осталась образом «потерянного рая». Комплекс «изгнания» у Набокова – это эмоциональное отношение, связанное с потерей его родины, полудетских воспоминаний и русской культуры. С помощью сокровищницы памяти и «магического кристалла» творчества он создаёт в сознании свой собственный индивидуальный рай.

В романе «Машенька» Набоков зашифровал в художественный символ Родины образ первой любви. Как отмечает Ю.И. Левин, сюжет построен на оппозиции «иллюзия/действительность», где реальность и иллюзорность «повисают в виде семантических качелей»¹⁸. В мире Набокова детство предстаёт «потерянным раем», а мотив изгнания вписан в эту концепцию: рождение – начальное изгнание, взросление – второе, эмиграция – третье. Чтобы пережить ностальгию по трижды утраченному раю, нужно воспринимать одиночество как блаженство и пользоваться памятью – даром Мнемозины. «Машенька» для Набокова – это воспоминание и прощание с родиной.

В романе «Подвиг» изгнание ассоциируется с *блаженством духовного одиночества* и *дорожными волнениями* героя¹⁹. Это вечный странник, находящийся между мирами (прошлого, настоящего, своей и новой России). Россия, русские – постоянный фон и непосредственная тема всего творчества В. Набокова. Персонажи его романов – Ганин, Мартын, Годунов-Чердынцев – соединяются в общий образ беглеца на чужбине, который не может забыть о навеки покинутой родине.

Пространство романа «Подвиг» интенсивно мифологизировано. Подвиг-путь, путешествие служит заглавием мифологического произведения. Мартын уходит в страну мертвых – Зоорландию, что понимается Набоковым как выход в инобытие, бегство из нашего пространства и времени. Если начало пути в жизни Мартына и его завершение сходятся в России, то путешествие является движением по кругу. Сочетание реальных и ирреальных черт создает мифологический подтекст романа «Подвиг». Мартын – *изгнанник* и *избранник*. Герой открывает двойной смысл изгнания: *великий выход на чужбину* – это *божественный дар, блаженство духовного одиночества* и свободы, но он ощущает свое *русское нутро* – свою кровную связь с русской культурой и долг перед ней.

Таким образом, в романах «русского» периода Набоков переосмысливает традиционное представление об изгнанничестве как о трагической ностальгии и безысходности. Его герои – Ганин, Мартын, Годунов-Чердынцев – не просто «эмигрантское завершение типа русского скитальца», а носители новой философии: *великий выход на*

18 Левин Ю.И. Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 323 - 392.

19 Набоков В.В. Подвиг // Набоков В.В. Собр. соч.: в 5 т. М.: Симпозиум, 2000. Т. 3. С. 94-249.

чужбину становится *божественным даром*, а изгнание – условием творческой свободы и самоосуществления. Сам Набоков преодолевает своей судьбой драматизм отрыва от родины, оправдывая личной философией чувство свободы и радость бытия.

В п. 2.3. «Проблемы творческой личности и духовно-нравственные ориентиры в публицистике» рассматривается ассоциативно-семантическое поле «изгнания».

Отдельное внимание в публицистике уделяется проблеме эмигрантского самонаречения. Псевдонимы становятся способом преодоления кризиса идентификации²⁰. Псевдоним «Сирин» отсылает не только к орнитониму, но и к древнерусской мифологии, фиксируя мотивы метафизической смерти и перехода в инобытие. Псевдоним осмысливается как микротекст, которому сопутствует мотив самоумаления, характерный для эмигрантской метаморфозы.

В отличие от многих современников, В. Набоков не разделял «круговой поруки общеэмигрантских воспоминаний», в его публицистике отсутствует «тоска эмигрантщины»²¹. Изгнание осмысливается им как особое состояние отчуждения, порождающее «внутренних эмигрантов». В. Набоков относил себя к «белым русским» (в широком смысле, не отождествляя с белогвардейской эмиграцией), а новую Россию характеризовал как «свет в окне тюремного надзирателя» и «загон»²².

Однако тема изгнания у В. Набокова имеет более глубокий подтекст. Метатема России и мира, конфликт между «я» героя и миром-чужбиной для В. Набокова складывается в общую картину глобального изгнанничества человека, потерявшего «земной рай». Обретение рая в метаромане Набокова оказывается лишь иллюзией, а по сути – окончательной утратой.

Понятие «изгнание» у Набокова оценивается неоднозначно и амбивалентно. С одной стороны – чужбина, бездомность, бесприютность, изгнание, с другой – покров, убежище, «благословенная высылка» (*благополучного изгнания я снова чувствую покров*)²³. В публицистике 1950-х годов эмиграция осмысливается как *великий выход на чужбину, славное изгнание*, а в поздние годы – как *розовое изгнание* в Монре²⁴.

Как отмечал Г. Газданов, Сирин – исключение: писатель, существующий «вне среды, вне страны, вне остального мира»²⁵. Н. Берберова полагала, что по отношению к

20 Тименчек Р. Об эмигрантских ложноименах // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования. М.: НЛЮ, 2016, С. 14

21 Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья Александра Солженицына: Русский путь, 2010. С.180

22 Набоков В.Д. До и после Временного правительства. СПб.: SYMPOSIUM, 2015. С. 214-216.

23 Набоков В.Д. До и после Временного правительства. СПб.: SYMPOSIUM, 2015. С. 399.

24 Там же, С. 162.

25 Газданов Г. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис лак, 2009. Т. 1. С. 750.

Набокову, пишущему на трёх языках, слово *эмигрант* звучит комично, а сама эмиграция находит в нём своё «оправдание»²⁶. Набоков сформулировал новое самосознание эмиграции как творческой свободы. Он верил в идеальное возвращение на родину – главным образом своего творчества. Россия для него навсегда осталась образом «потерянного рая», но этот рай перенесён во внутреннее измерение, становясь не географической родиной, а духовным ориентиром.

В п. 2.4. «“Письма к Вере”: эмиграция не в “эмиграционном виде”» рассматривается эпистолярное наследие В. Набокова как уникальный источник, раскрывающий творческую лабораторию писателя и его личность.

Эпистолярный жанр, по определению О.А. Дмитриенко, послужил «материальным источником» для создания романа «Дар» – одного из самых автобиографических произведений писателя²⁷. В письмах, написанных в 1920-е годы, формируются ключевые темы и приёмы позднего В. Набокова. Особое место занимает тема «понимания»: «Ты единственный человек, с которым я могу говорить – об оттенке облака, о пенье мысли»²⁸. Набоков называет Веру своей «маской», объясняя это уверенностью в том, что именно она может понять его в полной мере.

Сам Набоков определял свой эпистолярный облик как «неэмиграционный вид». Это выражение имеет двойной смысл: с одной стороны, оно подчёркивает исключительное положение эмигрантов, их сопротивление обстоятельствам; с другой – содержит иронию и сочувствие к ситуации изгнания. В письмах почти нет «тоски эмигрантщины»; напротив, они пронизаны эвдемонизмом, пафосом принятия жизни, утверждением творческой свободы. Таким образом, «Письма к Вере» раскрывают феномен «неэмиграционного вида» – особой метафизической оптики Набокова. В этом смысле набоковское «неэмиграционное» бытие – это путь, на котором «чужбина» становится пространством самоосуществления художника, а память, любовь и слово обретаются как единственная и подлинная родина.

Глава завершается выводом о том, что как в художественном творчестве, так и в критическом дискурсе Набокова мотив изгнания предстаёт не просто биографической реальностью, а многослойной онтологической категорией, включающей метафизическое, языковое и творческое измерения. В. Набоков одновременно мифологизирует и демифологизирует участь эмигранта, создавая собственный «антимиф». Его «двойное

26 Берберова Н. Курсив мой: Автобиография // Набоков В.В.: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных исследователей и мыслителей: Антология. СПб.: РХГИ, 1997. С.18

27 Дмитриенко О.А. «Письма к Вере» 1920-х гг. В. Набокова как лирический дневник и источник к роману «Дар» (1937) // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С.46.

28 Набоков В.В. Письма к Вере. М.: Колибри, 2017. С. 53.

изгнание» (из России и из родного языка) порождает полигенетическую составляющую текстов, требующих от читателя погружения в интертекстуальные связи разных культурных традиций. Однако в письмах моделируется иной, «не эмиграционный» образ изгнания, проникнутый сочувствием и ощущением общей судьбы. В конечном счёте ностальгия у Набокова перерастает в перестройку топологии («Россия во мне»), а само изгнание становится универсальной метафорой искусства, которое в широком смысле всегда есть изгнание, а концепция изгнанничества – ключом к самоидентификации художника, соединившего русскую и мировую культуры.

В третьей главе «Изгнание как преодоление в лирике В. Перелешина» в поэтологическом и культурологическом аспектах раскрываются мотивы «изгнания» на материале лирики В. Перелешина эмигрантского периода творчества. Рассматривается специфика художественного преодоления изгнания как экзистенциальная и творческая категория, формирование индивидуально-авторской картины мира на стыке трёх культур – русской, китайской и бразильской, эволюция изгнаннического сознания от пассивного страдания к активному культурному синтезу и построению «духовного дома» вне географических границ. Также проводится сопоставительный анализ поэтики В. Набокова и В. Перелешина, выявляющий общие мотивы авторефлексивности, метаописания и культурного синтеза, неотрадиционализма.

В п. 3.1. «Моделирование индивидуально-авторской картины мира и многогранность лирического дискурса В. Перелешина» творчество поэта рассматривается как уникальный художественный синтез, рожденный на пересечении трёх культур (русской, китайской, бразильской). Будучи представителем младшего поколения первой волны дальневосточной эмиграции, В. Перелешин в 1920 году семилетним мальчиком оказался в Китае, где провёл 32 года, органично вобрав в себя китайскую культуру (его китайское имя – Ся Цинюнь) и в совершенстве овладев китайским языком. Именно это позволило ему глубже других русских изгнанников проникнуть в восточную философию и поэзию.

В его лирике Китай предстаёт не экзотическим фоном, а *обретенным раем, материнской грудью, домом после долгих блужданий: Я люблю эти разноцветные стены, / И за ними пруды и цветы ... / Этих девушек кроткие лица, / Этих юношей мирную речь ... / Словно на материнскую грудь... / Словно дом после долгих блужданий* («Китай», 1942), *В день, когда я умру, непременно вернусь в Китай* («Издайка», 1953). В. Перелешин не просто описывает китайские реалии – он вбирает в себя восточную мудрость на глубинном уровне. В его стихах возникают образы-концепты: озеро как символ мира и ясности духа, сосна как знак стойкости и бессмертия, тишина как даосская гармония с природой. Как

отмечает О.А. Бузуев, для философской лирики В. Перелешина характерен «даосский характер»: поэт органично сочетает христианскую веру в бессмертие души с буддийской идеей реинкарнации, рассматривая их как разные пути постижения Вечности²⁹. Поэт переводит древнекитайскую поэму «Ли Сао», трактат «Дао дэ цзин», стихи Ли Бо и Ван Вэя, сохраняя лаконичность формы, но наполняя их тоскующей русской душой, жаждущей встречи с родной землёй. Его «влюблённость» в Китай слышна в самой мелодике топонимов – Бэйхай, Шаньхайгуань, Сиху, Гуаньинь, Чжи Хуа и др.

Бразильский период (третья родина поэта) приносит новый поворот. В стихотворении «Приглашение в рай» (1974) Бразилия становится метафизическим антиподом России – пространством, где можно забыть *серую холодную Москву*, чтобы обрести чувственно насыщенный мир: *зелень, синева, свеченье золотое*. Однако лирический герой сохраняет двойной статус: *ты в раю и, значит, неземной* – он одновременно внутри и вне обрётённого рая. В стихотворении «Трепет латинского паруса...» (1972) Перелешин упоминает бразильских писателей, использует созвучие португальских слов *delirio* и *Lirio*, превращая *тщедушный португальский словарь* в инструмент творчества. Тем самым он доказывает: инородные языки не разрушают русскую идентичность, а обогащают её новыми измерениями. Изгнание оборачивается не проклятием, а даром множества голосов, где каждая культура взаимно обогащает другую. Творчество Перелешина подтверждает: Серебряный век русской литературы не прервался в изгнании, но продолжился, обогатившись элементами восточной и южноамериканской культур.

В п. 3.2. «“Вневременная лира” поэта: экзистенция изгнания» анализируется уникальная пространственная поэтика с префиксом *за-* как способ моделирования экзистенциального состояния изгнанника. Как отмечал Ян Паул Хинрикс, «тонкое чувство языков и настойчивость помогли ему добиться признания и придерживаться собственных поэтических принципов»³⁰. Перелешин выводит изгнание на онтологический уровень, превращая географическое перемещение в метафизическую категорию.

Вершиной философской рефлексии становится стихотворение «За свечой – в тени – Засвечье...» (1972). Поэт создаёт семиотическую систему неологизмов: *засвечье, запечье, заплечье, забездомье, заизгнание, завеликоокеанье, забразилье, запланетье, за-двадцатое-столетье*. Это не географические названия, а психологическая карта отчуждения,

29 Бузуев О.А. Творчество Валерия Перелешина: Монография. Комсомольск-на-Амуре: Издательство ГОУ ВПО «Комсомольск-на-Амуре гос. пед. ун-т», 2003. С. 59.

30 Hinrichs J.P. Introduction // Russian Poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950 (The memoirs of Valerij Perelesin). Amsterdam, 1987. P. 16.

визуализация экзистенциального состояния. Каждый *за-* означает выход за пределы «я» и всего привычного. Лирический герой существует на границе бытия, вне привычных слов. Образ *за-двадцатое-столетие* придаёт изгнанию временное измерение – герой вне эпохи, отчуждён от своего века. Двойное измерение *за* превращает личный опыт в метафору универсального человеческого состояния. Сам язык становится пространством изгнания: создавая слова, отсутствующие на карте, поэт превращает экзистенциальное отчуждение в поэтическое бытие.

Однако изгнание у Перелешина – не только статичное «пребывание вне», но и динамика вечного пути. В стихотворении «У случайного берега» (1936) лирический герой бросается *в круговорот блужданий*, где сама дорога становится хронотопом поиска себя. Эта динамика имеет и обратную сторону: в стихотворении «Quinta da Boa Vista» (1969) внешняя красота бразильского пейзажа (*чинно, ладно, не слишком жарко: Пальмы, озеро, синева*) не способна исцелить внутреннюю несвободу – *лев в клетке* становится метафорой судьбы изгнанника, где даже в «раю» он остаётся пленником.

Перелешин последовательно разрушает бинарные оппозиции. В стихотворении «Кто сказал – от большого ума...» (1972) он утверждает: границы между свободой и заключением условны. Чужбина способна стать духовным пристанищем, где *родным языком* зазвучит *португальский язык*. В «Крестном пути VIII» изгнание превращается из пассивного проклятия в сознательный духовный путь. Мольба лирического героя парадоксальна: он не просит покоя, а желает продолжения странствия (*пусть буду я бездомным навсегда*), осознавая, что бездомность – не бесцельность, а форма служения, где сам путь становится молитвой.

Поэтика *за-* становится способом выражения существования «на границе» – за пределами времени, пространства и культуры («дискурсом перехода»). *Им пенилась вневременная лира* («Моим переводчикам II», 1972) – эта строка может служить эпиграфом к поэзии Перелешина. Даже находясь *за* всем – за планетой, за эпохой, за обычным миром – поэт способен обрести собственную ценность и истину бытия, превращая экзистенциальное отчуждение из страдания в творчество.

В п. 3.3. «“Чужое” как “свое”: концепт “Три родины”» анализируется эмблематическое стихотворение «Три родины» (1971), задающее парадигму всей лирики Перелешина. Поэт рождается у *быстроводной, неукротимой Ангары*, но дочь Байкала *отбросила пинком*; он попадает в *страну шелков, и чая, и лотосов, и вееров*, которую *любовью полюбил неложной*, но и оттуда изгнан навсегда; третьим приютом становится *Бразилия незначительная*. Ключевой вывод: Перелешина отличает от классического эмигрантского сознания радикальный пересмотр понятия «дом». Дом для него – не

географическая точка, а способность обрести пристанище везде, где душа находит отклик. Россия названа Перелешиним моей *золотой отчизной*, Китай – *мачехой ласковой*, а для Бразилии он как *сын приемный*. Семантика цвета закрепляет эту иерархию: *золотая* Россия, *жёлтый* Китай, *зелено-золотая* Бразилия.

Концепт «трёх родин» становится для В. Перелешина не биографической данностью, а творческим методом. Россия, Китай и Бразилия не сменяют друг друга хронологически – они сосуществуют в его поэтическом сознании одновременно. Русская тоска, китайская мудрость и бразильская свобода образуют уникальный культурный синтез. В стихотворении «Необычайный день» (1973) поэт мечтает о *снежных полях*, где *Россия голосом бразильца по-русски говорит* – этот невозможный день назван *тридцатым февраля*, символом недостижимости утраченной родины. В «Сне» (1970) возникает фантастический образ *бразильско-русского бора*, где *с русским медведем рядом / бразильский грелся тапир*. Автор формулирует свой метод: *не выбрать, не изменить, но два мира объединить*. В стихотворении «Изгой» (1973) Перелешин резюмирует: *Китай – любовь, Бразилия – свобода*.

Перелешин преодолевает оппозицию «чужое / своё» через стратегию поиска в чужом своего. Дом для него – не географическая точка, а способность обрести пристанище везде, где душа находит отклик. Таким образом, Перелешин разрушает традиционное представление «дом равен родная земля» и доказывает: изгнание не является конечной судьбой, а культурный синтез трёх миров – путь к обретению себя.

В п. 3.4. «В. Набоков и В. Перелешин: литературные параллели в “диагонали Леты”» впервые в эмигрантологии проводится системное сопоставление двух представителей младшего поколения первой волны эмиграции – «западного» (В. Набоков) и «дальневосточного» (В. Перелешин). Их объединяет судьба изгнанника, акмеистическая выучка (по выражению А. Долинина), ностальгическая память по России, переводческая деятельность как способ освоения иноязычных культур (В. Набоков – англоязычной, В. Перелешин – китайской и бразильской).

В лирике В. Набокова и В. Перелешина можно провести несколько литературных параллелей. Первая – металирика и авторефлексивность: у обоих жизнь и текст неразделимы. В. Перелешин: *Свою судьбу читаю по складам, ямбический оттачиваю крик* («Юному поэту», 1973). У В. Набокова герой *проборматывает стихи*, а в романе «Дар» звучит каламбурное толкование вдохновения (*крылатый, откуда крылья и латы, римляне?*). Лирический герой В. Перелешина не к быту тянется, а к бытию – мир ему *мнится ямбом* («Живешь в глуши страны чернильной», (1935).

Вторая параллель – семиотические образы родины (географическая карта и глобус). У В. Набокова образ родины редуцирован до *географической карты* («К России», (1927), проникнутой и оживляемой памятью лирического героя. У В. Перелешина в стихотворении «По глобусу» (1972) образы *глобуса, каравана, каравеллы* связаны с мотивом изгнанничества, а в финале возникает образ острова *Розилии-Брассии* – сочетание России и Бразилии, перекликающийся с набоковской *Амероссией* в романе «Ада». Страсть лирического героя к родине приводит к печальному выводу: они встретятся *среди морской стихии в географу неведомой стране – На острове Розилии-Брассии*, но автор сам знает, что до того места никогда не добьётся.

Третья параллель – образность «крылатого дара». Лексема *крылатый* в лирике обоих поэтов связана с творческим вдохновением и воображением. У В. Перелешина: *крылатая мудрость, крылатая латынь, усыпи же меня, окрыли, надежды крылья*. В стихотворении «Птицеловы» (1974) обыгрывается псевдоним В. Набокова Сирин: *В плен к Сирину попался Алконост, / А пленником у Алконоста – Сирин!; забыли мы, что крылья нам даны*. У В. Набокова Федор в «Даре» благодарит отчизну за *крылатый дар*.

Четвёртая параллель – танатологический мотив «нестрашной смерти». У В. Перелешина: *Лишь только смерть легка и хороша, / Меня нагонит поступью нескорой, / Я знаю, наяву моя душа / Придет бродить на вычурные горы* («Картина», (1941). У В. Набокова *час беспечный, час последний* настигнет изгнанника в чужой стране («Мою ладонь географ строгий») («К России», (1928). Тема «нестрашной смерти» объединяет обоих поэтов.

Пятая параллель – китайский код. У В. Набокова он имплицитен (образ Цинцинната Ц. в «Приглашении на казнь», восточные реминисценции в «Даре», буддийские мотивы в «Лауре»), у В. Перелешина – декларативен (переводы китайской классики, топонимы, иероглифика). В. Набоков и В. Перелешин развивают семиотику Востока как символ далёкого, экзотического, сакрального знания, но разными способами: В. Набоков – через криптографию и подтекст, В. Перелешин – через прямое освоение и перевод. Приводятся и другие интертекстуальные соответствия (в частности, энтомологическая и поэтологическая образность)

Особое внимание уделено стихотворению В. Перелешина «Защита Лужина» (1936) – лирическому пересказу романа В. Набокова, где шахматная символика (*преданная, гибнущая ладья, пешки облепили, как пиявки, диагонали Леты, чёрные слоны*) формирует трагический финал: *И тогда в отместку и назло, / Наверху, над улицей предместья / Зазвонит разбитое стекло*. Название стихотворения «Отчаяние» (1938) – ещё одна отсылка к роману Сирина. Общим для двух поэтов оказывается понимание эмиграции как *вольного*

зарубежья – внутреннего творческого состояния свободы, а не только трагической данности. Объединяет двух художников слова дух сопротивления жизненным обстоятельствам, преодоление культурных барьеров и креативное восприятие изгнания.

Глава завершается выводом, что В. Перелешин последовательно преодолевает ограничения транскультурной идентичности через концепт «трёх родин»: на смену оппозиции «своё / чужое» приходит многомерное сосуществование трёх культурных миров, где Китай становится «любовью», Бразилия – «свободой», а Россия остаётся «золотой отчизной». Креативная функция изгнания реализуется через уникальную поэтику *за-* как способ моделирования экзистенциального пограничья – состояния *забездомья* и *заизгнания*, где границы пролегают не между странами, а внутри человека. Сопоставление с Набоковым выявляет общие стилевые тенденции (авторerefлексивность, метаописание, танатологические мотивы, *крылатый дар*), но демонстрирует разные пути преодоления изгнания: В. Набоков выходит на уровень мировой литературы через англоязычный синтез («Россия во мне»), В. Перелешин остаётся в русле русской поэтической традиции, обогащая её восточной философией и бразильской экзотикой (*вмещать мир в себя*). В конечном счёте, лирика В. Перелешина утверждает: изгнание не конец, а начало духовного пути; ностальгия становится не оковами, а конструктивной силой, поддерживающей идентичность и стимулирующей творчество; а подлинный дом изгнанника – не в географических координатах, а в способности нести свою культуру в мир и открываться миру навстречу.

В **Заключении** обобщены основные результаты проведенного анализа и намечены перспективы дальнейших исследований.

В творчестве В. Набокова и В. Перелешина изгнаннические мотивы несут большую функциональную нагрузку: служат средством характеристики героев, выражают психологические состояния и формируют авторскую модальность текста. Эмиграция предстаёт как миф и форма культурного существования вне реального пространства и времени. Проведённые параллели выявляют интертекстуальные связи, гибридизацию культурных кодов и вымышленные миры (Зоордландия, Амероссия, Розилия-Брассия). Изгнание трактуется не как утрата, а как условие творческой свободы. При этом В. Перелешин остаётся маргинальной фигурой, тогда как В. Набоков достигает мирового признания. Традиции Серебряного века были сохранены в эмиграции, обогатившись элементами инонациональных культур. Предложенная схема нуждается в дальнейшем развитии. Свою задачу мы видели в актуализации проблемы и выявлении ее творческого потенциала.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Чжао С. А.И. Солженицын и В. Набоков: парадоксы литературных «встреч» и «невстреч» / С. Чжао, Л.Н. Рягузова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Майкоп: изд-во АГУ, 2018. – Вып. 2 (217). С. 191–197.

2. Чжао С. Мотив «изгнания» в романе «Машенька» В. Набокова / С. Чжао // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: «Филология и искусствоведение». – Майкоп: изд-во АГУ, 2018. – Вып. 4 (227). С. 169 – 174.

3. Чжао С. Мотив «изгнания» в творчестве В. Перелешина / С. Чжао // электронные журналы издательства NotaBene. Сер.: «Филология: научные исследования». 2019. №1. С. 75 – 79.

4. Чжао С. От «чужбины» к «духовному дому»: топология изгнания в лирическом дискурсе В. Набокова и В. Перелешина / С. Чжао // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2026. – Вып. 1 (372). С. 129 – 138.

5. Чжао С. «Вневременная лира» В. Перелешина: Метафизика «за-» как способ существования / С. Чжао // Казанская Наука. Сборник №3. 2026. С. 221 – 224.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

6. Чжао С. Мотив «изгнания» в художественном сознании В.В. Набокова / Л.Н. Рягузова, С. Чжао // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. – Краснодар, 2017. – С. 202–205.

7. Чжао С. Метаязык современной эмигрантологии (феномен экспатрианства) / С. Чжао // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. – Краснодар, 2017. – С. 453–459.

8. Чжао С. «Аристократия пишущих талантов»: В. Набоков, И. Бродский, А. Солженицын в эмиграции / С. Чжао, Л.Н. Рягузова // Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории. – Краснодар, 2017. – С. 214–218.

9. Чжао С. Изгнание как подвиг и миф (на материале романа В.В. Набокова «Подвиг») / С. Чжао // Литература и революция (к 100-летию Октябрьской революции). – Краснодар, 2017. – С. 58–60.

10. Чжао С. Литература «Русских Харбинцев»: из истории русской эмиграции в Китае / С. Чжао // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. – Краснодар, 2018. – С. 271–273.

11. Чжао С. «Изгнание» как преодоление и обретение: мотивы эмигрантской лирики В. Перелешина / С. Чжао // Творчество В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории. – Краснодар, 2018. – С. 218–221.
12. Чжао С. Мотив «изгнания» в лирике В. Перелешина: структурно-семантический аспект / С. Чжао // Актуальные вопросы филологических исследований. – Краснодар, 2019. – С. 93 – 98.
13. Чжао С. В. Набоков и В. Перелешин как «литературные личности» в контексте русского эмигрантского мифа / С. Чжао, Л.Н. Рягузова // Актуальные вопросы современной филологии: Теория, практика, перспективы развития. – Краснодар, 2020. – С. 284–287.
14. Чжао С. Мотив «изгнания» в лирике В. Перелешина бразильского периода творчества: поэтологический и культурологический аспекты / С. Чжао // Актуальные вопросы филологических исследований. – Краснодар, 2020. – С. 51–55.
15. Чжао С. Взаимопроникновение оппозиций «Чужое/свое» в эмигрантской лирике В. Перелешина / С. Чжао, // VI селезневские чтения. Актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. – Краснодар, 2020. – С. 445–449.